

Общая газет. - 1994 -
17-23 апр. - с. 15

Господа артисты, собаки поданы!

ЛУБОКОЙ, очень холодной зимой, после двух месяцев этапа меня привезли на Урал, в маленький городок Ивдель, на пересылку. Начальник лагерного конвоя выкрикивает мою фамилию Гринблат, матерно переирая окончание: «Имя, отчество, статья, срок?» Я назвал. «Профессия?» Отвечаю: «Литератор». Он, видимо, такой профессии не знал: «А, понятно, фальшивые деньги печатал!» И добавил: «Ну ты подумай, сволота! Второй раз сидит, борется с Советской властью, и еще фальшивые деньги делает!»

Заключенные ИвдельЛАГА рассказали мне, что у них есть свой театр и там «самым главным — батя Головин, его сам Сталин слушал, а потом что-то «не в цвет вышло» (в лагере слово «батя» — это высшая степень уважения!). Я понял, что речь идет о знаменитейшем баритоне Большого театра Дмитрии Даниловиче Головине. Том самом, о котором Бенямино Джильи еще в 30-х годах говорил: «Европейским баритонам в Россию ездить нельзя — там Головин». Дмитрия Даниловича обвинили в убийстве жены Мейерхольда актрисы Зинаиды Райх, хотя вся вина была в том, что Головин жил с ними на одной лестничной площадке.

В музее Варшавского оперного театра висит костюм Фигаро, под которым на разных языках написано: «В этом театральном костюме в 1936 году у нас пел великий баритон мира Дмитрий Головин». Я сам видел этот красивый — зеленый с блестящими — костюм, когда в 80-х читал в Польше лекции по истории советской эстрады.

Но вернемся в Ивдель. Дирижером в лагерном театре был не менее знаменитый, чем Головин, руководитель Госджаза и талантливый композитор Александр Варламов. Он попал в лагерь за то, что хранил дома какой-то американский журнал со статьей о джазовых музыкантах США. Донес на него человек, которого Александр Владимирович считал своим другом...

Прошел месяц, второй, мне удалось передать в театр записку, рассказать о себе. Я ведь работал в «Известиях» у Бухарина, в «Огоньке» у Колесова и в знаменитейшей «Крестынской газете» у Урицкого. И вот однажды меня с «театральным конвоем» доставили на цен-

тральный лагпункт к Головину. Головину было 67 лет, он продолжал еще петь, но от руководства лагерными артистами отошел, передав дела мне. Мне приходилось решать все вопросы по репертуару с политуправлением, с культурно-воспитательным отделом и лично с начальником ИвдельЛАГА генералом Беляковым. Поэтому я получил пропуск на право «хождения в районе 600 км». Это было невероятно! Открывалась возможность бросить где-нибудь в городе письмо. Из всего коллектива театра право на переписку было у Варламова, у знаменитого театрального художника Бориса Волкова, да еще у нашего портного. Этот старый еврей из киевского театра имени Шевченко, глядя какому-то актеру костюм, случайно поставил утюг на плакат с портретом Сталина. И этот театральный портной не жаловался, что у него в Киеве осталась жена, дети. Нет, он без конца сокрушался: «Вы подумайте, там на будущий сезон пойдет «Пиковая дама», кто ее оденет?»...

Ну, вернемся к моему разрешению ходить за зону. Что говорить, дело мужское, житейское — можно было пронести в лагерь водку. Я и пронес ее в барак в ватных штанах. Это было безумно опасно, но наши охранники ведь тоже все были «заключенные», только по другую сторону колючей проволоки. Что они в жизни видели? А тут — театр, артисты, да еще какие!

Что же это был за театр? Можно сказать одним словом — синтетический. Опера в концертном исполнении, то есть без хора, но с оркестром. Вторым дирижером оркестра был дирижер Московского театра оперетты Хмельницкий, но Александр Варламов так любил сам репетировать и выступать, что тот почти всегда был «без работы». В оркестре было 46 человек, все — очень сильные музыканты. Но если кто-то из музыкантов пытался «схалтурить», Александр Владимирович так на него орал, что на вахте было слышно!

Ни один эстрадный концерт на территории СССР не обходился без фельетона ли, скетча, конферанса, репризы авторства Матвея Яковлевича ГРИБЛАТА. Он писал монологи для Утесова, Смирнова-Сокольского, Райкина, был луреатом Ленинской премии и Государственной премии России. Но в его жизни существовала и отдельная страница: Матвей Яковлевич с конца 40-х вел все концерты единственного в своем роде театра заключенных.

Мы поставили три оперетты, одна из них — «Вольный ветер» Дунаевского, ничего себе название в лагере! Были музыканты из Ереванской оперы, из Вильнюса, из Фрунзе. Из Харькова было три таких саксофониста — конец света! (Прошло очень много лет, и в Ятке в филармонии ко мне подошел высокий толстый человек. Обнимает, плачет: «Помните меня? Я Саша Зельдин из Ивделя». Это был один из тех харьковских саксофонистов, потом он в Киеве играл у знаменитого Балабана...)

Помню, с одним этапом привезли трех скрипачей из Эстонского оперного театра; когда мы их в первый раз увидели, то ужаснулись — это были тени людей! Ведь два с половиной месяца этапа, в котором кормят так: утром кусок селедки, кусок хлеба и кружка воды, вечером — то же, но без воды. Они не только скрипку в руках не могли держать, сидеть были не в состоянии. Сейчас эти скрипачи втроем живут в Канаде, имеют там фабрику компакт-дисков...

Я ездил на пересылку к каждому этапу, выискивал для театра новых заключенных. Однажды спрашиваю начальника конвоя: «Гражданским начальником, артисты есть?» Он отвечает: «Артистов нет, артистка есть. С самого Бухареста возем! Жена Петра Лещенко — Вера Лещенко-Белоусова».

Когда румыны и немцы заняли Одессу, Вера там жила с больной матерью; училась в консерватории. При-

ехал Петр Лещенко, в знаменитом одесском кафе «Фанкони» открыл свой ресторан, и ему для выступлений нужны были женские голоса — как сейчас говорят, «на подпевки». Вера пришла по объявлению. Впервые Верочка запела вместе с Петром именно там, в ресторане. Потом он сделал ей предложение и уговорил уехать в Бухарест, там тоже был ресторан с названием «У Петра Лещенко». Туда заходил король Михай, маршал Конев, всегда было много наших офицеров. Лещенко арестовала румынская разведка. Вера видела Петра единственный раз — был тот от голода в тюрьме как скелет. Вскоре умер. И тут взяла Веру, хотя ничего иного, кроме огромной любви к мужу, за этой девочкой в жизни не было.

Вера привезла с собой аккордеон Петра и свой — поменьше. И под этот аккордеон и оркестр с успехом выступала в нашем театре. А когда мы все освободились, я устроил ее в джаз-оркестр Бориса Ренского, до самой пенсии она там великолепно пела...

Драматическая наша группа — актеры Минского русского драмтеатра во главе с великолепным народным артистом Белоруссии Львом Михайловым. Немцы ведь так стремительно наступали в сорок первом, что захватили Минск на четвертый день, никто не успел уехать. И их всех вызвали в комендатуру и предложили открыть театр. Играли нейтральный репертуар: Островского, Чехова, какие-то водевили.



И все бы хорошо, но вдруг гестапо предложило им поставить знаменитую пьесу Корнейчука «Фронт». Но дали текст пьесы, в котором изъятия «солдатскую сцену». Они ведь в гестапо были не дураки — без этой сцены получилась свара наших генералов, старых и молодых! Да еще назвали спектакль: «Как они воюют», оставив имя Александра Корнейчука. В итоге, когда Красная Армия взяла Минск, весь театр получил по 25 лет и в полном составе был этапирован к нам в лагерь.

У нас была даже балетная группа: три танцовщицы из Вильнюса, которые один вечер посидели в кафе «Не-ринга» с американскими летчиками и ответили на их вопрос, сколько получает советская балерина. Я никогда в жизни не видел столько женских слез — девушки никак не могли понять, что произошло.

Восемь месяцев в году на лошадях, на машинах наш театр заключенных

разъезжал по лагпунктам, по рудникам, а четыре месяца давал концерты «на базе» в Ивделе. Как говорил Александр Владимирович Варламов, мы были лучом света в темном царстве... Однажды меня требует к себе начальник политотдела: «Сегодня в клубе Дзержинского концерт для комиссии из Москвы». Наступает вечер, приходит за нами конвой с собаками. Это значит, что комиссия какая-то очень важная. Александр Владимирович громко оповестил: «Господа артисты, собаки поданы, едем на концерт».

В ложе сидит генерал Беляков: «Фамилий заключенных не называть! До начала еще двадцать минут, перепиши всех и объявляй по номерам». Зал, смотрю, почти пустой, лишь где-то в середине сидит маленькая кучка людей.

Начался концерт. Я объявляю: «Оркестр театра! Дирижер — заключенный номер 18927-В7». И тут из зала — рыдающий женский голос: «Боже мой, это же Варламов». Первое отделение концерта заканчивал Головин. Я объявляю: «Композитор Массне. «Элегия». Исполняет номер такой-то, аккомпанируют номер такой-то и номер такой-то!» За роялем сидел профессор Ереванской консерватории Чайхмахов, на виолончели играл профессор Ленинградской консерватории Михаил Гессель. На сцену выходит Головин. Ни возраста, ни положение заключенного не сказывались на его внешности — премьер! В зале «Браво, Головин! Здравствуйте, Головин!» Я скосил глаза на нашу «правительственную ложу» — там все сидят как каменные.

Оказалось, эта группа зрителей были комплексной московской комиссией из Академии наук СССР, никакого отношения к ИвдельЛАГу не имевшей. Но ведь в том районе ничего нелагерного не было. Гостилица лагерная, транспорт лагерный, столовая и магазин лагерные и театр — тоже лагерный. И так как из Москвы была команда «принять комиссию хорошо», наше на-

чальство расстаралось и устроило им этот концерт.

Автоматчики стоят между нами и зрителями, сами в растерянности, не знают, что делать. Потом генерал разрешил их пропустить. Москвичи суют какие-то деньги, но я говорю: «Напрасно, здесь уже коммунизм — нам ничего не продают». Головин в это время обнимается с каким-то высоким мужчиной, тот спрашивает: «Дима, где же я слышал тебя в последний раз?» Головин: «Толя, ну как ты не помнишь? В Гранд-опера в Париже. Еще в зале Деникин и Кутепов сидели — мне это наследство тоже вспомнили, будто я их сам в оперу приглашал!» И вот этот знакомый Головина мгновенно оценил ситуацию — и кандидаты наук, аспиранты побежали в гостиницу — и через десять минут перед нами было стуженное молоко, масло, еще что-то, чего мы годами не видели. Наутро мы с Головиным и Варламовым отменили репетиции. Невозможно было работать — мужчины без конца курили, женщины плакали, изо всех углов слышалось: «Боже мой, за что? Кому все это нужно?»

Прошло много лет. Я вел авторские вечера «За кулисами смеха». И вот как-то идет концерт в зале ЦСКА. Билетерша говорит: «Тут какие-то мужчины и женщина вас спрашивают. Пропустить?» Объявляют антракт, мы все стоим за кулисами: Жванецкий, Задорнов, Лион Измайлов, Хайт, Леня Французов...

Появляется эта пара, он не поднимает глаз, а она тараторит: «Ой, мы как увидели вашу фамилию на афише, сразу купили билет. Вы нас не узнаете? Это генерал Беляков. А я была в лагере заведующей парткабинетом, вы у нас читали офицерскому составу лекции по литературе и искусству. Мы сейчас в городе Серове живем, книжку вашу купили, жалко не взяли с собой, вы бы нам написали ее...» А из-за моей спины Миша Задорнов саркастически спрашивает: «Мадам, мне очень интересно, что бы такое Матвей Яковлевич мог вам на память написать?»

И тут генерал поднял голову, посмотрел мне в глаза и сказал: «Мы понимали, что вы зря сидите... Но что делать, такое время было...»